

О. Н. Щедринова

КОСМИЧЕСКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ КУПРИНА

Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться, им познаваться и постигаться потому только, что в человеке есть весь состав вселенной, все ее силы и качества, что человек — не дробная часть вселенной, а цельная малая вселенная.

Н. А. Бердяев

Разгул атеизма в России был предвосхищен возникновением поразительного общественного явления. Имя этому явлению — русский космизм. В историческом контексте философия космизма выступает в качестве последнего шанса на духовное спасение человечества. Люди на протяжении всей своей истории так или иначе пребывали в состоянии постоянного интереса к окружающему космосу. В первые времена они искали защиты у природы, создавали целые пантеоны богов и духов, потом стали изучать небесные явления и ближайшие планеты. Между тем, земная жизнь становилась ареной борьбы за веру, но, как правило, это была борьба одной веры с другой, и только в XX в. в России произошла беспрецедентная битва веры и неверия, Добра и Зла. Именно в этот критический момент истории в России концентрируется мысль, возвращающая человека к истокам своего существа, обращающая его к космосу, который служит указанием на иные — неземные — ценности. Появляется философия русского космизма. Человек становится достоянием Большого Космоса. Блистательная плеяда ученых, писателей, поэтов, художников, философов появляется в России подобно космическому десанту спасателей. Метафизика жизни становится культурным ядром эпохи. Может быть не вопреки, а именно благодаря философским идеям космистов эпоха атеизма продержалась на русской земле всего 70 лет. «Сильный космический ветер колеблет все страны, народы и культуры», — пишет в эти годы Н. А. Бердяев¹. В центре этого процесса находится человек. Существует некое «идеальное родство» мира и человека, их «пронизанность друг другом». «Мир есть раскрытие Человека, проекция его», — утверждает П. Флоренский². Человек начинает ощущать целокупное слияние с окружающим миром. Новое учение о ноосфере подтверждает этот факт. По мысли основоположника учения о ноосфере (сфере разума) В. И. Вернадского, «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой»³. Как

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 1990. — С. 126.

² Флоренский П. А. Макрокосмос и микрокосмос // Человек и природа. — 1989. — № 9.

³ Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. — № 18. — Вып. 2. — 1944. — С. 113–120.

известно, термин «ноосфера» впервые был введен французским философом Эдуардом Леруа в 1927 г. От деятельности и мысли человека зависит будущее планеты. Как пишет в своей работе «Феномен человека» (глава «Развертывание ноосферы») Тейяр де Шарден, «мысль становится множеством, чтобы завоевать все обитаемое пространство поверх любой другой формы жизни. Другими словами, дух тклет и развертывает покров ноосферы». Учение о ноосфере дает синергийный эффект взаимодействия космоса и человека, возвращая последнего к «слиянию с Единым» как к возможности сохранения вида через духовное взросление и совершенствование. Мысль, разум и человек становятся предельной ипостасью грядущего мира. «Я думаю: мысль человека — это как бы ток от таинственного, еще неведомого центра, это какая-то широкая напряженная вибрация невесомой материи, разлитой в мировом пространстве... Вот мысль вышла из моего мозга, и вся мировая *сфера* задрожала, заколебалась вокруг меня, как вода от брошенного камня, как звук вокруг звенящей струны... Я думаю, что ничто в мире не пропадает, — ничто! — не только сказанное, но и подуманное»⁴. Эти слова не являются цитатой из работ основоположников русского космизма, они принадлежат Александру Ивановичу Куприну, и написаны им в 1906 г. в рассказе «Река жизни». Черты русского космизма в творчестве Куприна — это объективная данность, а отнюдь не «сопряжение далековатых идей»⁵. Как ни необычно это звучит, но можно с уверенностью утверждать, что в произведениях Куприна идеи космизма явно доминируют. В его творчестве отсутствует водораздел между человеческим бытием и горним миром. Не только судьба человечества, но судьба самой планеты интересует писателя: «Кто знает, чем кончится длинная история нашей планеты, этой крошечной песчинки, несущейся по таинственным спиралям в какую-то страшную, безвестную и бесконечную пропасть?» (1904)⁶; «Но теперь все чаще и чаще снится мне земля — это огромное живое ядро, которое, вращаясь, летит стремительно в какую-то черную, бесконечную, безвестную бездну, летит, повинувшись точным и таинственным законам» (1905)⁷; «Мертвая одинокая луна, лишенная жизни и воздуха... мириады серебряных точек... И земля, такая же точка, песчинка, несущаяся в вечный мрак...» (1893)⁸. Идеи трансцендентности пронизывали все пространство тех лет, равно как и умы людей того времени. Куприн, прочно вошедший в русскую литературу как бытописатель и документалист, открывается с совершенно неизведанной стороны. Эта сторона его творчества не только занимает огромное место, но является фундаментальной основой всех его произведений. Не «болезненная психология», не тяготение к фольклору, не детализация повседневности, а космическое мышление планетарного масштаба — суть творческой и человеческой личности А. И. Куприна.

Говоря о повседневности в творчестве Куприна, следует вспомнить слова великого романтика Уильяма Вордсворта из его предисловия к «Лирическим балладам»: «отобрать случаи и ситуации из повседневной жизни и пересказать или описать их... обыденным языком... наконец — и это самое главное — сделать эти случаи и ситуации интересными, выявив в них с правдивостью, но не нарочито, основополагающие законы нашей природы»⁹ (романтической! — *прим. авт.*) — вот истинная задача

⁴ Куприн А. И. Река жизни // Куприн А. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. — М., 2007. Т. 1. С. 312.

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1952. — С. 206.

⁶ Куприн А. И. Белые ночи // Куприн А. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 185.

⁷ Куприн А. И. Сны // Там же. Т. 4. С. 223.

⁸ Куприн А. И. Лунной ночью // Там же. Т. 2. С. 383.

⁹ Вордсворт У. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. — М., 1980. — С. 262.

романтиков. Как раз о таком качестве романтизма свидетельствует некоторое увлечение Куприна деталями быта. Он часто демонстрирует классическую картину поэзии обыденности, когда из груды деталей возникает вдруг удивительный и яркий в своей уникальности пласт реальности, насыщенный самобытным колоритом данного места, характерами людей, там проживающих, рождающий ощущение переноса во времени и пространстве, дающий право утверждать, что перед нами трепетно-поэтическое, т. е. романтическое, отношение к детали. Например, в рассказе «Река жизни» читаем: «Хозяйская комната в номерах “Сербия”. Желтые обои; два окна с тюлевыми грязными занавесками; между ними раскосое овальное зеркало, наклонившись под углом в 45 градусов, отражает в себе крашенный пол и ножки кресел; на подоконниках пыльные, бородавчатые кактусы; под потолком клетка с канарейкой. Комната перегорожена красными ситцевыми ширмами... По углам комнаты свален беспорядочно всяческий, покрытый паутиной хлам: астролябия в рыжем кожаном чехле и при ней тренога с цепью, несколько старых чемоданов и сундуков, бесструнная гитара, охотничьи сапоги, швейная машина, музыкальный ящик “Монопан”, фотографический аппарат, штук пять ламп, груды книг, веревки, узлы белья...»¹⁰. Такое внимательное — романтическое — отношение к деталям в равной степени касается всех текстов Куприна. О судьбоносной роли деталей и различных событий в жизни человека сам Куприн пишет так: «...нет ни одного ничтожного явления, которое не оставило бы во мне неизгладимого следа. Тихая ночная возня мыши под полом и смертная казнь, рождение ребенка и шуршание осеннего листа, ураган на море и тиканье карманных часов, ласка любимой женщины и объявление о ваксе,— все, все,— и малое и большое, сознанное мною и несознанное,— все притрагивается к моему мозгу, все чертит на нем непонятные знаки. Каждая прожитая мною минута кладет вечную, но неизвестную мне печать на мой характер, на мою любовь или отвращение к жизни, на ум, на здоровье, на память и воображение, на всю мою грядущую жизнь, а может быть, даже на жизнь моих детей и внуков»¹¹. В контексте таких размышлений Куприна совершенно иначе выглядит его акцентированное пристрастие к детализации действительности.

Поразительным открытием становится рассуждение писателя, воплощенное в художественной форме и навеянное работами Н. Ф. Федорова. Речь идет о главной работе основоположника русского космизма «Философия общего дела», где Федоров рассматривает вопрос о том, что «в регуляции, в управлении силами слепой природы и заключается то великое дело, которое может и должно стать общим»¹². В свою работу Федоров включает некоторые конкретные предложения о регуляции погоды методом взрыва в облаках, *об управлении магнитными силами*, движением земного шара, об овладении новыми источниками энергии, о метеорической регуляции в масштабах всей планеты, о выходе в космос и управлении космическими процессами. Сравним эти предложения Федорова с идеями Куприна. В рассказе «Тост» (1905) Куприн пишет: «...много тысяч техников, инженеров, астрономов, математиков, архитекторов и других ученых специалистов самоотверженно работали над осуществлением самой вдохновенной, самой героической идеи... они решили обратить земной шар в гигантскую электромагнитную катушку и для этого обмотали его с севера до юга спиралью из стального, одетого в гуттаперчу троса, длиною около четырех миллиар-

¹⁰ Куприн А. И. Река жизни. С. 297.

¹¹ Куприн А. И. Вечерний гость // Куприн А. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 543.

¹² Федоров Н. Ф. Философия общего дела.— СПб., 1912.— Т. 1–2.

дов километров. На обоих полюсах они воздвигли электроприемники необычайной мощности и, наконец, соединили между собою все уголки земли бесчисленным множеством проводов... Неистощимая магнитная сила земли привела в движение все фабрики, заводы, земледельческие машины, железные дороги и пароходы. Она осветила все улицы и все дома и обогрела все жилые помещения. Она сделала ненужным дальнейшее употребление каменного угля, залежи которого уже давно иссякли. Она стерла с лица земли безобразные дымовые трубы, отравлявшие воздух. Она избавила цветы, травы и деревья — эту истинную радость земли — от грозившего им вымирания и истребления»¹³. В парадигме этих совпадений возникает убежденность, что в тот исторический период дыхание Космоса касалось буквально каждого человека. Мистическая красота сверкала во всем своем великолепии. Широким божественным росчерком небо окрашивалось небывалыми цветами мироздания. Радуга цветов, сияние звезд, свет Солнца, молнии, узоры облаков и небесный гром были дарами Космоса. И был Человек. Украшение Вселенной. Их единство составляло и составляет главные тайны бытия. Эти тайны мучительно тревожили Куприна, он всю свою жизнь пытался их разгадать. О чем бы он ни писал, какие бы темы ни исследовал, в поле его зрения всегда находились экстремальные зоны, в которых существует человек, призванный выжить в земных условиях. Воззрение на сущее как на единое пространство, в котором не разделяется жизнь на земле и жизнь вне земли, сближает Куприна с теоретиками космизма. Пристрастное внимание Куприна к подобным пограничным ситуациям характеризует его как человека и как писателя. Имеет смысл обозначить данное своеобразие его художественного почерка как исследование *ардентных зон*.

Термин *ардентность* вводится впервые. Он восходит к латинскому *ardens, ardentis*, что означает горячий, знойный, жаркий, палящий, пылающий, раскаленный, томительный, блистающий, яркий, жгучий, страстный, горящий. Слова, образованные от латинской основы *ardent*, присутствуют во многих европейских языках. Так, например, в английском языке слово *ardent* означает экспрессивный, эмоциональный, страстный, горячий, пылающий. В итальянском языке *ardente* — горящий, огненный, пылающий, жгучий, сжигающий, пылкий. В испанском *ardiente* — жгучий, палящий, порывистый, обжигающий. Во французском *ardent* — горящий, пылающий, страстный, яркий. Совокупность всех признаков данного состояния в русском языке не имеет единого понятийного выражения, именно поэтому представляется правомочным обратиться к латинской основе *ardent* для его образования.

И если для романтика человеческая душа — это искра божественного пламени, трепетная частица мирового духа и, как пишет теоретик романтизма Н. А. Гуляев, «в груди романтических героев часто бушует пламя нечеловеческих страстей»¹⁴, то все произведения Куприна посвящены исследованию именно этих зон человеческого бытия. Такие состояния и ситуации и носят название ардентных зон.

Ардентность — это состояние пылкого, яркого, сверкающего проявления эмоций; характеристика необычайных и впечатляющих (стрессовых) обстоятельств или событий; качество огненной стихии, проявляющейся в разных жизненных ситуациях. Ардентность — родовое понятие стилистических особенностей произведений Куприна. Абсолютное большинство его произведений тематически связано с присутствием в жизни людей таких явлений, как смерть, любовь, подвиг. Это обстоятельство зако-

¹³ Куприн А. И. Тост // Куприн А. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 226, 227.

¹⁴ Гуляев Н. А. Карташова И. В. Введение в теорию романтизма. — Тверь, 1991. — С. 80.

номерно порождает особый подход Куприна к изучению нестереотипных ситуаций, в которых человеческая личность оказывается в состоянии обнаженного душевного излома и может проявить свои родовые черты. Если в своей обычной рутинной жизни человек в основном прибегает к шаблонам поведения, то в экстраординарных ситуациях он может откровенно проявить свою внутреннюю природу и связь с истоками мироздания. В такой момент возникает арdentная ситуация, т. е. ситуация пылающего, раскаленного, жгучего и страстного проявления всех возможных и сверх-возможных качеств человеческой природы. Кроме того, арdentность, без сомнения, является одним из родовых признаков романтизма в искусстве как зона душевных переживаний, выраженных укрупнено, сильно и страстно. Сфера человеческих переживаний — любимый предмет исследований Куприна. Она, как сигнальный маяк, указывает на романтическую направленность его творчества. Писателя интересует разлом душевной структуры, в котором видится вся правда, вся тайна, весь смысл бытия. В этом разломе обнажается сокровенная сердцевина человеческого духа, которая интересна для писательского взора в силу своей загадочности и красоты, а также близости к смыслу истоков Творения. Это прикосновение подобно прикосновению к Божественной тайне: еще мгновение — и развернется истина во всей своей глубине, красоте и выразительности. Куприн органично существует именно в пределах изучения психоарdentных зон человеческой жизни, плавно переходящих в жизнь космическую. Огненная стихия Космоса вторгается в литературное пространство творчества Куприна с тем, чтобы на изломе повседневности обнажить потаенные концепты природы бытия. Возникает потрясающий алгоритм купринской прозы, выраженный в тексте в виде динамичной триады: жизнь — любовь — смерть.

Все (именно все!) произведения Куприна, где присутствует развитие человеческих отношений, строятся по схеме: жизнь — любовь — смерть. Сравним с триадой Николая Рериха, заимствованной им из китайской культуры: Земля — Человек — Небо. Конечно, следует понимать, что центральное понятие триады — Любовь — является и центральной темой текстов писателя. Любовь — это та основа, которая, будучи непостижимой тайной, объясняет все. Для Куприна код жизни во вселенной эксплицирован в понятии, имя которому Любовь. По мысли основоположника космизма Пьера Тейяра де Шардена, любовь — это энергия, а близость — это космическое чувство. Идеи Т. де Шардена и Куприна созвучны друг другу. В образуемом данной триадой равностороннем треугольнике, в зависимости от предложенных судьбой обстоятельств, вершиной является одна из этих великих субстанций. Этот треугольник представляется неким колесом фортуны, которое медленно совершает вращательное движение, давая читателям непостижимое множество различных повествований на вечные темы. Все тексты Куприна содержат в своей основе эту удивительную триаду. Своим творчеством писатель утверждает, что без любви нет жизни, жизни нет без смерти, так же, как и смерти нет без жизни, и одновременно с этим нет любви, которая была бы вне смерти; т. е. настоящая и подлинная любовь всегда выходит за рамки жизни и устремляется в неизведанный мир, сопряженный с понятием смерти. И все это выступает фронтальным единством в своем взаимодействии. У Куприна есть рассказ с очень характерным названием «Сильнее смерти» (1897). Автор не дает своим героям имен, так как ситуация, представленная в рассказе, столь типична, что может стать хрестоматийной. В рассказе присутствуют двое — Он и Она. Они прощаются. Он полудениво пытается объяснить Ей необходимость этой разлуки. Она знает только одно — жизнь без любви невозможна. Она просит Его вспомнить о Ней

в назначенное время. Только вспомнить. Он выполняет Ее просьбу. В момент воспоминания ему кажется, что он снова видит Ее перед своими глазами, и Он начинает жалеть об их разрыве. Позже Он узнает, что именно в этот час Она покончила с собой. Любовь оказывается сильнее смерти, в которую бесстрашно ушла женщина. Любовь, скрепленная смертью, объединила их теперь. Рассказ очень короткий и, как всегда, яркий и пронзительный.

Другой пример — рассказ «Странный случай» (1896). Указанная триада нашла здесь свое абсолютное воплощение. Место любви на земле и в этой жизни уступает месту любви на небесах. Куприн знакомит нас с одним из бесчисленных вариантов сюжета на данную тему, построенного по той же схеме: жизнь — смерть — любовь. Но этот рассказ в полном объеме обладает наиболее характерными для Куприна особенностями: лаконичность формы, содержательная насыщенность, сюжетная разветвленность, мистическое присутствие великих личностей. Тематическим рефреном служит мысль (привычная для Куприна) о том, что любовь должна быть больше жизни, а значит, сильнее смерти. Так оно и случается. Свою любовь главный герой доказывает отказом от жизни. Он оказывается беспомощным перед великой силой страсти, захватившей его. Эта страсть явно вырывается из оков обыденности. В рассказе автор упоминает Шекспира, Льва Толстого, Семена Надсона. Главная героиня, Нина Аркадьевна, прямо ассоциируется с Анной Аркадьевной Карениной. Здесь очевидно сходство имен, а также сходство пристрастий, например, к морфию. Куприн использует даже прямой парафраз из романа Толстого. Читаем у Куприна: «Нина Аркадьевна также молча играла кистями своего светло-серого кашемирового капота... Ее изменчивое лицо красивой и капризной женщины было задумчиво»¹⁵. Сравним с текстом Толстого: «Анна шла, опустив голову и играя кистями башлыка. Лицо ее блестело ярким блеском»¹⁶. В рассказе Куприн цитирует строки из стихотворения Надсона, чья жизнь в целом является некой арdentной зоной бытия: «Любит тот, кто безумней лобзает!» Кроме того, он вполне органично вводит в свой рассказ литературоведческий анализ пьесы Шекспира «Ричард III», используя цитаты из шекспировского текста. Собственный сюжет, сюжеты Толстого, Шекспира и Надсона — все это находит место в пределах одного небольшого рассказа в четыре страницы.

Столь сложная идейно-композиционная структура служит фундаментом очень важного для Куприна заявления о том, что не одной только жизнью на земле ограничивается человеческое существование, что любовь, будучи имманентным предикатом жизни, выбрасывается в космос для продолжения самой себя. Рассказ обладает достоинствами сильного и многоассоциативного текста. Подобная закономерность характерна не только для рассказов Куприна, но и для крупных форм его творчества. «Поединок», «Гранатовый браслет», «Колесо времени», «Олеся», «Суламифь», «Яма» и многие другие — яркое тому свидетельство.

Космисты, равно как и романтики, особое значение придавали теме природы. В единстве Человека, Природы и Мира находили они источник вдохновения. Равно-сторонние связи этих категорий в полной мере получили свое воплощение в творчестве А. И. Куприна. Он испытывает одинаковое упоение и восторг от соприкосновения с природой вообще и с природой — божественным проявлением небесного представительства на планете. В повести «Суламифь» читаем: «Утренний ветер дует с востока

¹⁵ Куприн А. И. Странный случай // Куприн А. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С.327.

¹⁶ Толстой Л. Н. Анна Каренина. — СПб., 1994. — С. 110.

и разносит аромат цветущего винограда — тонкий аромат резеды и вареного вина. Темные кипарисы важно раскачивают тонкими верхушками и льют свое смолистое дыхание. Торопливо переговариваются серебристо-зеленые листья олив»¹⁷. За этим описанием явственно ощущается терпкое дыхание раннего утра, напоенного ароматами восточных растений, и мощная властность поднимающегося жара близкого знойного дня. Картина не может быть исчерпана, и мы читаем дальше: «гранатовые деревья, оливы и дикие яблони, вперемежку с кедрами и кипарисами» — все это становится знаковой приметой описания прекрасного виноградника, в котором произошла чарующая встреча Соломона с девушкой по имени Суламифь. Это восхитительное окружение служит достойным фоном для столь же сильных по терпкости и яркости последующих драматических событий. А вот совершенно другая по эмоциональной организации картина: «Было серенькое теплое утро. Уже несколько раз принимался идти крупный, короткий, благодатный дождь, после которого на глазах растет молодая трава и вытягиваются новые побеги. После дождя на минутку выглядывало солнце, обливая радостным сверканием облитую дождем молодую, еще нежную зелень сиреней, сплошь наполнявших мой палисадник; громче становился задорный крик воробьев на рыхлых огородных грядках; сильнее благоухали клейкие коричневые почки тополя» (повесть «Олеся»)¹⁸. Прозрачность и необыкновенно чистая свежесть утра, нежность зелени и милый запах тополиных почек — это особенная прелесть тихого моросящего мелким дождем русского лета. Блистательный ряд тонких оттенков земной природы можно продолжать почти бесконечно; ряд этот выверен и облюбован самим Куприным, как некая фундаментальная опора его творчества, как знаковая категория в умозрительном восприятии мира и в божественных истинах, заключенных в этом мире. По мысли Н. А. Гуляева, «романтическая личность радостно и любовно сливалась с человечеством, с природой, ибо была рождена ею, являясь высшим выражением ее творящих сил; она не поглощала собою мир, но сознавала себя его частицей, частицей общего, универсального, ощущая, нося это универсальное в себе»¹⁹. Неисчерпаемая палитра красок в воссоздании облика природы дарит Куприну счастливую возможность объять великое пространство красоты земного мира в его бесконечном многообразии космического видения.

Мировоззрение Куприна формирует в нем склонность к космическому созерцанию мира. Его мысли созвучны идеям Н. Федорова, В. Вернадского, Н. Рериха, П. Флоренского, Н. Бердяева, П. Тейяра де Шардена, В. Соловьева. Будучи по натуре подлинным романтиком, Куприн создает собственную модель идеального мира, тем самым идя по пути духовного освоения космоса и постижения его вселенских законов. Апофеозом этого процесса стали слова писателя о том, каким он видит космическое будущее человечества: «И самая смерть уже не страшит нас, ибо уходим мы из жизни, не обезображенные уродством старости, не с диким ужасом в глазах и не с проклятием на устах, а красивые, богоподобные, улыбающиеся, и мы не цепляемся судорожно за жалкий остаток жизни, а тихо закрываем глаза, как утомленные путники... И любовь наша, освобожденная от всех цепей рабства и пошлости, — подобна любви цветов: так она свободна и прекрасна. И единственный наш господин — человеческий гений!»²⁰ Таким

¹⁷ Куприн А. И. Суламифь // Куприн А. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 15.

¹⁸ Куприн А. И. Олеся // Куприн А. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 293.

¹⁹ Гуляев Н. А., Карташова И. В. Введение в теорию романтизма. С. 54.

²⁰ Куприн А. И. Тост. С. 228.

образом, Куприн предстает перед нами не только как романтик, но и как достойный последователь философии русского космизма. Именно романтическое мировоззрение писателя с его новым чувством мира, отражением сверхчувственных сфер и жадой веры в торжество всеобщей гармонии формирует в Куприне склонность к космическому созерцанию. Энергичное поле романтизма и космизма необыкновенно притягивает Куприна, становясь его личным творческим пространством, из которого он совершает трансцендентный прорыв в бесконечность. Куприн творит свои миры: «...у них (у писателей — *прим. автора*) какое-то подобие с Господом Богом: из хаоса — из бумаги и чернил — родят они целые миры и, создавши, говорят: это добро зело»²¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Смысл творчества.— Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1985.
2. Бердяев Н. А. Судьба России.— М., 1990.
3. Флоренский П. А. Макрокосмос и микрокосмос // Человек и природа.— 1989.— № 9.
4. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии.— № 18.— Вып. 2.— 1944.
5. Куприн А. И. Полн. собр. соч.: В 10 т.— М., 2007.
6. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.— М.; Л., 1952.
7. Вордсворт У. Литературные манифесты западноевропейских романтиков.— М., 1980.
8. Федоров Н. Ф. Философия общего дела.— СПб., 1912.— Т. 1–2.
9. Гуляев Н. А., Карташова И. В. Введение в теорию романтизма.— Тверь, 1991.
10. Толстой Л. Н. Анна Каренина.— СПб., 1994.

²¹ Куприн А. И. Юнкера // Куприн А. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 82.